

Елена Дмитриевна Струхан

Зёрна

публицистические и литературно-
критические статьи

Издательские решения
По лицензии Ridero
2018

«Если пшеничное зерно, падши в землю...»

Одной из вершин осмысления биографии и литературного наследия Ф. М. Достоевского стал очерк новокузнецкой писательницы Любви Никоновой, посвященный его венчанию.

Произведение, имеющее подзаголовок *«исследование с точки зрения православного таинства брака»*, было опубликовано в нескольких изданиях. Впервые оно появилось в 1991 году в газете «Кузнецкий рабочий», затем — в журнале «Литературный Кузбасс» и спецвыпуске роман-газеты «Кузнецкая крепость». Позднее бытование очерка значительно расширил японский профессор Коити Итокава из университета города Ниигата, познакомив с ним жителей Страны Восходящего Солнца. Но и это не стало последней публикацией. Спустя пять лет, претерпев редакторские купюры и преобразования в научный формат,

текст Л. А. Никоновой вновь появился в сборнике материалов Межрегиональной конференции «Достоевский и современность», организованной к 175-летию писателя. И только в 2006 году был включён автором в книгу прозы «Мир благословенный».

Несмотря на столь обширный издательский ареал, никоновское Слово о венчании Достоевского так и не обрело широкую известность. Думается, загадка кроется не столько в сложности темы или ее интерпретации, сколько в особенностях очерка.

Он создавался в переломный и смутный для российской новейшей истории год. Крушение старых устоев отозвалось в обществе желанием найти новые идеалы. *«В такие минуты, — как писал в своё время Ф. М. Достоевский Н. Д. Фонвизиной, — «жаждешь, как «трава иссохшая», веры, и находишь ее, собственно потому, что в несчастье яснее истина».*

Поиски истины и точек нравственной опоры развернулись в начале 90-х годов прошлого века по диаметрально противоположным направлениям.

Одни в нелегких условиях духовной дезориентации обратились к некогда утраченным ценностям. Сквозь толщу времен и событий к читателю стали пробиваться произведения русских авторов-изгнанников начала XX века, а также труды их соотечественников, подвергшихся репрессиям. Книги ярчайших представителей русской религиозно-философской мысли и почти забытых талантливых литераторов наконец-то вернулись на полки отечественной интеллигенции. В свободный доступ попали и ранее запрещенные религиозно-православные источники.

Все это не могло не задеть самые сокровенные струны Любви Никоновой, вдумчивого читателя и глубоко верующего человека. Она всегда следила за литературным процессом, и в начале 90-х, судя

по сохранившимся записям в её рабочих тетрадях и переписке с издательствами, заказывала особенно много книжных новинок...

Другая часть общества, напротив, встала на путь отрицания православной веры и старых идеалов. Изъеденные скепсисом и безбожием, барахтающиеся среди осколков постмодернистской культуры, люди потянулось к оккультным наукам, сектантству, гипнозу, белой и черной магии. Подобные процессы, охватившие массовое сознание, ярко осветил в своем первом сборнике «Синий фонарь» (1991) только вступающий в литературу прозаик Виктор Пелевин. В его рассказах «Вести из Непала», «Девятый сон Веры Павловны», «День бульдозериста», «Мардонги», «Ухряб», «Хрустальный мир» вопрос о вере становится если не камнем преткновения для героев, то уж наверняка — навязчивой идеей или злой шуткой судьбы. Характерная для Пелевина религиозно-философская тема решается в русле литературного стёба, пародии, сатиры и гротеска.

В отличие от своего младшего современника Л. А. Никонова призывала читателя обратиться к первоосновам. К Слову, которое «было в начале». По ее мнению, верный ответ придёт только с осмыслением истинного значения слов. *«Сейчас эти смыслы, к несчастью, потеряны», — считала она, — но восстановить гармонию возможно, углубившись в изучение христианских понятий, в освоение православной культуры в целом».*

Неслучайно в период создания исследования о венчании писательница напряженно трудится над заметками о русской духовности «В сиянии любви и милости», что приводит ее к новым поворотам в воплощении религиозно-философской темы. Так, за год до появления очерка она создает цикл прозаич-

ческих миниатюр «Хождение по святым местам», где обращается к истокам христианской культуры, детально рассматривает и по-своему осмысливает стержневые православные понятия, законы, символы и праздники. Некоторые из них дали названия её творениям: «Акафист», «Святая вода», «Введение во храм», «Благословение», «Любовь» и др. В тот же период в цикле миниатюр «Сокровище тишины» автор вновь погружается в символические значения христианских обрядов и ритуалов, стремится раскрыть изначальную природу православных символов и жестов: целование, моление, младенец сакральный, Господственная Пасха...

В таком контексте постижение сущности таинства брака на примере судьбы и творчества гения мировой литературы представляется как никогда знаменательным.

Стоит отметить, что очерк появился у Никоновой после пятилетнего периода работы научным сотрудником в новокузнецком музее Достоевского (1982—1987). За это время она основательно изучила архивные документы и биографические материалы о кузнецких днях писателя, обрела музейно-исследовательский опыт. Важнейшими итогами ее раздумий над эпистолярными и художественными страницами Фёдора Михайловича стали статья «Кузнецкий венец» (1986) и знаменитое стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год» (1987)...

Несомненно, никоновский текст рождался и в горниле событий духовной жизни Новокузнецка того времени. В 1989 году был восстановлен приход старейшего православного кафедрального храма — Спасо-Преображенского собора, а в 1991 в нем состоялось первое богослужение. Любовь Никонова, его прихожанка, с удовольствием присутствовала на возобнов-

ленных после долгого перерыва службах, участвовала в возрождаемых крестных ходах, лично общалась со многими священниками. Ее публицистические материалы по религиозно-православной тематике, то и дело появляющиеся в городской газете «Кузнецкий рабочий», свидетельствовали о глубоком, неподдельном и разноплановом интересе к жизни христианского мира. Весомым доказательством тому стали поэтические строки, вышедшие чуть позже из-под ее пера, о важнейших вехах в истории православных святых Кузбасса: «Летел, летел собор над лесом...» (1992), «Стихи на обретение колоколов. Кузнецк. 1994» (1994), «Богослужение в кузбасском городке» (1995) и др.

Очерк о венчании Ф. М. Достоевского увидел свет в год празднования 170-летнего юбилея писателя и обретения новокузнецким литературно-мемориальным музеем его имени статуса самостоятельного учреждения культуры. Это было очень важно и значимо для Любови Алексеевны, ведь, как известно, юбилеи Достоевского и все события, происходящие в посвященном ему музее, она воспринимала как настоящее пиршество духа, то, что свершается *«под знаком праздника»*.

Интересно, что создание очерка совпало с осуществлением важного культурного проекта. В 1991 году в Новокузнецке режиссер О. В. Морокова и сценарист Н. С. Серегина снимают документальную кинокартину «Кузнецкие венцы» о 22-дневном пребывании Достоевского на Земле Кузнецкой и о судьбе творческой интеллигенции в Сибири. Никонова помогает им. Реализуя себя в фильме не только как «актер», но и как исполнитель собственных поэтических творений, Любовь Алексеевна получает новый импульс к творчеству, возможность по-другому посмотреть на события многолетней давности...

Жанровое своеобразие очерка «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке...» очень специфично. Несмотря на то, что автор называет его «исследованием», по сути мы имеем дело с современным трактатом.

В переводе с латинского слово «трактат» означает «обсуждение», «рассмотрение». Ещё его определяют как «научное сочинение в форме рассуждения (часть — полемически заостренное)». Именно такую структуру он и имеет. Перед нами — философско-теологический текст, содержащий постановку, изложение и разрешение конкретной, волнующей писательницу, проблемы: интерпретация первого брака Достоевского с точки зрения православных канонов. Продуктивно разрешить ее, представив ярко и обоснованно свою оригинальную трактовку, возможно только в рамках трактата. Вот почему Любовь Никонова прибегает к возрождению такой забытой и архаичной для нашего времени жанровой формы.

О родственности своего необычного текста «старомодному» жанру автор декларативно заявляет уже в названии — нарочито длинном, «неудобоваримом», намекающем на характерные трактатные заголовки. Если вспомнить, в них как раз и содержались подобные слова и обороты: «исследования о...», «опыты», «о началах», «о принципах» и др. Кажется, Никонова намеренно подобрала несколько отпугивающее, грешащее длиной и наукообразностью, название. Оно указало и на фундаментальный характер труда, и на ту культурную традицию, которая стала её ориентиром.

Некоторые издатели и редакторы, не понимая того, вносят вольные изменения в никоновский текст: сокращают название, изменяют его четкую трехчастную структуру и даже сильно купируют, лишая произведение публицистической составляющей. В конечном сче-

те, подобные эксперименты приводят к потере базовых черт трактата, регулированию авторского замысла, а значит, и к непониманию самой сути произведения и к его последующей недооцененности.

Логика мышления, присущая трактату, была органична для Л. А. Никоновой. Многолетняя работа учителем в школе способствовала ежедневному освоению жанровых норм, ведь не секрет, что крайним выражением трактата был и остается учебник.

Идею о соответствии дисциплинарного, систематического, «учебного» типа текста особенностям творческого сознания писательницы подтверждают и ее читательские предпочтения. Вспомним, что в «Драгоценном списке любимых литературных произведений», завершающем очерк «Сокровенное свечение», она перечисляет родственные по духу и напоминающие трактат философские раздумья. Это теологические труды и историко-литературные изыскания «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Размышления о Божественной литургии» Н. В. Гоголя, «Семирамида» («Исследование истины исторических идей») А. С. Хомякова, «Азбука победы» Святителя Николая Сербского...

Родственность публицистического высказывания Никоновой и традиционного трактата прослеживается и в структуре ее работы, и в способах аргументации.

Невозможно не заметить, что все части исследования «дышат» демонстративной систематичностью. Так, доказательство правильности авторской позиции начинается с презентации предмета исследования, затем происходит переход к обрисовке существующего положения дел, и только когда определены все позиции, писатель озвучивает собственную точку зрения. Затем скрупулезно приступает к доказательству правильности своей теории.

Примечательно, что ссылки на иные авторитетные мнения, как и в типовых трактатах, выполняют у Никоновой служебную роль, то есть предназначены для обоснования ее идеи, а потому фрагментарны и скудны.

Опытный взгляд сразу отметит, что пользуется она многочисленными источниками: воспоминаниями современников, точной хроникой событий, фрагментами из Священного Писания и молитв, теологическими текстами Павла Флоренского и художественными — Федора Достоевского (роман «Идиот»), его же эпистолярными посланиями и записями в книжке «Notes», неточными цитатами Александра Блока, высказываниями Амвросия Оптинского, воспоминаниями А. Г. Сниткиной и кузнецких свидетелей венчания... Но, несмотря на сложную вязь публицистического, религиозно-философского, эпистолярного, литературно-художественного и историко-краеведческого элементов, текст очерка сохраняет свою целостность и свежесть.

Подобно трактату, очерк состоит из трех частей: внешний абрис *«грозного чувства»*; интерпретации любви Достоевского и Исаевой и озвучивание своей точки зрения; трактовка второго брака литератора в качестве еще одного шанса исправить жизненные ошибки.

Доказывая свою правоту, Л. А. Никонова стремится «довести» аудиторию до накала мыслей и чувств. Такой способ доказательства эффективен и уместен, т.к. проблема, поднимаемая ею, не является до конца решенной, да и авторская мысль для многих достаточно сложна.

Писательница открыто заявляет, что до сих пор мы знакомы только с мирскими, подчас очень приземленными, объяснениями супружеского союза Достоевско-

го и Исаевой. Но только христианский взгляд на таинство брака достоверно высвечивает взаимоотношения двух влюбленных сердец, только он может распахнуть перед поколениями XXI века новые горизонты в понимании жизни и творчества писателя.

На страницах исследования впервые говорится о не востребованности, нераскрытости православного аспекта в трактовке любви Достоевского и Исаевой. Хотя, по Никоновой, православно-христианский взгляд на «грозное чувство» и кузнецкое венчание изначально довлеет над всем:

«... среди волнений человеческой любви в сердце Достоевского не прекращалось высшее христианское чувство, образующее вокруг Марии Дмитриевны как бы «зону сострадания, милосердия, прозрачной нежности, участия».

Такая позиция не только придает особую ценность очерку, но и «реабилитирует» Исаеву как личность и, что особенно важно, делает кузнецкие дни романиста достоянием православной и общечеловеческой культуры, а не кратковременным и ничего не значащим эпизодом, ни в коем случае не очередной записью в «донжуанском списке».

Высшей точкой кузнецко-семипалатинского периода Любовь Никонова считает венчание Достоевского в Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви. «*Всё решилось в храме*», — пишет она и четко поясняет, что именно скрыто за этими словами: благодетельный кризис, очищение, «христианское омовение». Ведь Любовь, закрепленная таинством венчания, — своего рода отделение вечного от текущего, зѣрен от плевел:

«аффективное растворялось в христианском, земное очищалось небесным».

Согласно Никоновой, любовь писателя — многоуровневое и очень сложное чувство. Представляется оно через разные лики Любви, которые много сотен лет назад обозначил апостол Павел в Первом послании к Коринфянам:

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...»

Любовь к Исаевой сделала писателя многоликим, т.к. сама была таковой: *«зрелое чувство собрало в себе разные виды любви».*

Линию этой могущественной движущей силы она определяет как крестный путь от алтаря до гроба. Все остальное — жизнь мирская.

«Если кузнецкое венчание (6 февраля 1857 года) явилось апофеозом первой любви Достоевского, „милосердствующей“, то его „верующая“ любовь достигла наивысшего выражения в первые часы после смерти Марии Дмитриевны (16 апреля 1864 года)».

Детально пересматривая все составляющие Любви

Достоевского-христианина, автор, прежде всего, указывает на её спасительность. В своей спасительности она широка и всеохватна. Любовь литератора оберегает не только саму Исаеву, но распространяется и на её окружение: сына Пашу, первого супруга Александра Ивановича, даже на соперника по любви Вергунова. Ведь христианская Любовь — спасение и преображение духовное: её великая цель — *«всеми средствами поддержать, спасти измученную, одинокую, недугующую душу»*.

Но трагедия Достоевского в том, что сделать это он не успел. Мария Исаева — *«натура, сожженная отчаянием»* — еще до кузнецкого венчания прошла точку невозврата:

«Достоевский состоял в браке с женщиной, уже уходящей с земли, уже почти не присутствующей в этой жизни — ни душою, ни телом».

Предрешенность гибели *«отчаявшегося существа»* сыграла роковую роль в разрушении *«грозного чувства»* и несчастье первого брака. Он *«отдавал себе отчет в обреченности Исаевой»*, но *«не представлял всей необратимости отчаяния, в котором несколько печальных лет провела его будущая жена»*, *«не знал, как глубоко сидит в ней жало смерти»*. В письме от 14 июля 1856 года Ф. М. Достоевский с горечью сообщает об этом своему сибирскому другу А. Е. Врангелю:

«Она (Исаева — Е.М.) доживает, может быть, свою последнюю мысль...»

Чтобы глубже разобраться в чувствах и мыслях До-

стоевского, автор очерка обращает нас и к личности самого романиста, и к внутреннему миру его спутниц по жизни. Такой двусторонний подход, пожалуй, осуществляется впервые. Многие, как правило, ограничиваются представлением только позиции писателя, рисуя его в выгодном свете, например, на фоне инфернальной, страстной, экзальтированной и неверной особы — первой жены. Ценность же рассуждений Л. А. Никоновой кроется как раз в обозначении сразу двух полюсов.

В своей Любви Достоевский вел постоянную борьбу за Исаеву со смертью, но проиграл. В этом смысле стоит вспомнить рассказ «Кроткая», включенный Никоновой в личный список *«драгоценных литературных произведений»*. Здесь мы как раз наблюдаем развитие необратимого смертоносного процесса у обреченной на гибель героини. Сама же Любовь Алексеевна сравнивает Исаеву с другим литературным персонажем — Настасьей Филипповной Барашковой из романа «Идиот»:

«К моменту встречи со своим избавителем они уже сгорели в непосильной борьбе со злом, уже перешли грань, отделяющую жизнь от ее таинственного антипода».

В дневниковой записи 1864 года, которая родилась у гроба Марии Дмитриевны, писатель сверяет собственный опыт супружества с высшим идеалом, со Христом. Вслед за ним Л. А. Никонова измеряет уровень его семейного счастья мерой православного учения о жертвоприношении. Главная причина краха его первого брака видится ей в том, что *«брачная жертва... была недостаточной»*. Это — великий грех, а значит —

вечные страдания. Об этом нам говорит и Достоевский. «Дневниковая запись от 16 апреля 1864 года стала словом покаяния», — резюмирует Никонова, открывая тем самым неведомые тропы в прочтении романов Великого Пятикнижия. Она утверждает, что размышления о жертве у гроба жены соотносятся с главными православными таинствами — крещением, евхаристией и венчанием, в основе которых лежит именно жертвоприношение. По сути дневниковая запись Достоевского — это сверка «обетов венчания с их реальным воплощением в жизнь».

Второй брак Фёдора Михайловича, несмотря на «ряд поразительных совпадений», повторов рассматривается как противоположность первого. Это — еще один шанс, дарованный провидением, но шанс, которым он воспользовался сполна:

«Этими повторами как бы подтверждалась неукоснительная воля Божия, ведущая Достоевского именно таким путем к торжеству христианского брака. Вновь повторились обряды, священнодействия и молитвы святого таинства, и вновь была принесена жертва Богу и друг другу. На этот раз это была полная жертва с обеих сторон.»

Раздумья о жертве, которую необходимо положить на алтарь семейного и супружеского счастья, невольно навевают мысли о зерне. Том самом, что возникает в эпиграфе к роману «Братья Карамазовы»:

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет

много плода».

Эти слова из Евангелия от Иоанна традиционно связывают с развитием всего романного сюжета. Братья Дмитрий, Иван и Алеша становятся на путь *«восстановления погибшего человека»*, о котором Достоевский говорил как о глобальной идее искусства XIX столетия. Принося жертву, каждый по своей мере, они должны войти в новую жизнь, преобразиться в иную форму.

Но идею крестного пути, то есть страдания и самопожертвования, которую воплощает эпитафия, стоит соотносить не только с основным текстом произведения.

В равной степени она принадлежит и посвящению.

Достоевский посвятил роман, то есть фактически принес жертву своим творчеством, милому ангелу — второй жене Анне Григорьевне. Семейная жизнь с ней стала для писателя символом того самого евангельского зерна — павшего во влажную землю, умершего и чудесным образом воскресшего вновь.